

Содержание

Часть 4. Машины и демоны	5
Часть 5. Охотники на левиафана	183
От автора	508

— Значит, ничего нельзя сделать? — уточнил Герти упавшим голосом.

Тон этого голоса ему самому не понравился. Именно таким тоном мальчишки обычно спрашивают у строгой матери, нельзя ли не есть спаржу на обед.

— Насколько я могу судить, терминал совершенно исправен, сэр, — сухо заметил техник.

Таким тоном строгие матери обычно говорят: «Спаржа необычайно полезна, и в твоём возрасте есть её совершенно необходимо».

Машина тихонько посвистывала, остывая после напряженной работы, из ее недр еще тянулись струйки дыма, отчего казалось, будто внутри притаилось не меньше полудюжины карликов, курящих крошечные трубки.

Карликов там, конечно, не было и не могло быть. Герти убедился в этом лично, когда техник, недовольно ворча, вскрыл терминал и разложил на полу его потроха — великое множество деталей, похожих на запчасти часового механизма. Крошечные муфты, шатуны, двойные шестерни, балансиры, протяжные валы, зажимы, штыри, подшипники, рычаги, болты... Свободного места не хватило бы даже для мыши, не говоря уже о семействе работающих гномов. Дым, поднимавшийся

над поверхностью гудящего терминала, был лишь рассеивающимся паром, на энергии которого и работал аппарат.

Но, даже зная все это, Герти никак не мог проникнуться к терминалу уважением. Его медная тумба, водруженная неподалеку от письменного стола, отчего-то ассоциировалась у него с вещами неприятными и тревожными. То с древним алтарем, терпеливо ждущим жертвоприношения, то с урной для человеческого праха. За все время Герти так и не удалось научиться воспринимать терминал естественным элементом обстановки. Он неизменно выбивался из нее, мозолил глаза и обращал на себя внимание.

Следовало ожидать, что проклятая машина подбросит подлость в тот единственный раз, когда по-настоящему окажется нужна.

— Послушайте, эта штука не работает, — сказал Герти в который раз, наблюдая за тем, как техник, пыхтя, собирает медные и никелированные потроха в единую конструкцию. — Вы слышите? Она не работает!

— А я нахожу, что терминал в полной исправности, — отвечал ему техник откуда-то из самых недр машины. — Вплоть до последнего болта.

— От башенных часов моей прабабки и то было больше пользы, чем от этого аппарата, — с раздражением заметил Герти. — Я же говорю вам, он не работает!

— Не вижу никаких повреждений, мистер Уизерс.

— Он поломан!

Техник устало вздохнул, на секунду перестав протирать ветошью какой-то хитрый узловатый вал.

— Вы не могли бы сказать, что именно не работает, мистер Уизерс?

— Все не работает! — в сердцах бросил Герти. — Согласитесь, если бы он работал, мне не пришлось бы посылать за вами! Но я был вынужден обратиться за помощью.

— Уточните, что именно не функционирует, — терпеливо попросил техник.

Он был похож на всех служащих Канцелярии, как одна человеческая тень похожа на все прочие. Тот же глухой старомодный костюм со строгим галстуком, более уместный на похоронах, чем в государственном учреждении, то же невыразительное, нездоровой бледности лицо, тот же голос, глухой и совершенно бесстрастный. Герти даже не был уверен в том, что узнаёт этого техника, если встретит его где-нибудь в коридоре Канцелярии полчасом позже. В этом мире полумрака и болотной сырости все обитатели были пугающе похожи друг на друга.

«Может, и мне со временем уготована такая метаморфоза? — уныло подумал Герти, наблюдая за тем, как россыпь деталей постепенно превращается в ненавистный ему корпус терминала. — Может, это будет происходить со мной постепенно, исподволь, как течение хронической болезни?.. Сперва я потеряю интерес и аппетит, потом сделаюсь равнодушен и хладнокровен, как рыба. Ну а костюм, должно быть, станет последним штрихом в деле превращения Гилберта Уинтерблоссомы в полковника Уизерса, плоть от плоти Канцелярии...»

Именно поэтому ему нужно покинуть Новый Бангор настолько быстро, насколько это возможно в его, Гилберта Натаниэля Уинтерблоссомы, обстоятельствах.

Именно поэтому ему нужна эта проклятая счислительная машина.

— Что-то, должно быть, разладилось в ее внутренних, — сказал он технику. — Вы уверены,

что их не надо почистить от ржавчины или, например, смазать?..

— Совершенно уверен, мистер Уизерс. Что именно неправильно делает терминал?

— Он не может выдать дело, на которое я направил запрос!

— Вы уверены, что верно составили запрос, сэр? Счислительная машина обрабатывает лишь те запросы, которые составлены на ее математическом языке.

— О да, вполне уверен! — язвительно заметил Герти, демонстрируя целую россыпь усеянных крохотными отверстиями мемокарт на своем столе. — Я компостирую эти картонки уже третий день, и у меня свело руку от компостера настолько, что временами я ощущаю себя кондуктором на королевской железной дороге!

Язвительность не могла в должной мере пронять техника Канцелярии. Возможно, его могла пронять лишь выпущенная с близкого расстояния пуля. Герти почувствовал, что в скором времени будет готов и к подобному испытанию.

— Составление запросов — непростая процедура, мистер Уизерс. Существуют определенные правила и формы. У вас в кабинете должна быть инструкция...

— Талмуд толщиной в тысячу страниц, — вставил Герти. — А уж содержание! По сравнению с ним даже учебник латинского языка кажется легкой современной пьесой!

— ...при составлении запроса советую особое внимание уделить разделу третьему «Первичный синтаксис линейных команд ввода», а также разделу пятому «Семантика поисковых запросов» и семнадцатому, добавочный пять, «Макрокоманды и их обособленные переменные».

Герти подавил желание схватить пухлый том инструкции, покоившийся на полке, и вышвырнуть его из окна кабинета напрямик на мостовую. Но ему самому пришлось признать, что хоть это и вызвало бы на какое-то время душевное облегчение, едва ли приблизило бы его к цели. Поэтому он несколько раз медленно вздохнул, успокаивая нервы, и вновь обратился к технику:

— Будьте уверены, я штудировал все эти разделы три дня и перевел уйму картона! Я уверен, что в итоге запрос составлен мной по всей установленной форме, на языке вашей разлюбленной машины. Видите? — Он помахал перед лицом техника мемокартой. — Вот мой запрос. Но вместо того, чтоб передать из архива запрошенное дело, машина несет какую-то чушь! Взгляните, что она выдала мне вместо дела, которое я запрашивал! Полюбуйтесь!

Но техник не горел желанием вникать в содержимое протянутой ему папки. Он спешил вернуть разобранный терминал в прежнее состояние и, кажется, не собирался хоть сколько-нибудь медлить. А может, работа сама спорилась в его умелых руках.

— Возможно, проблема не в терминале, — предположил он, проворно завинчивая крошечные болты. — Он всего лишь устройство ввода, своего рода пишущая машинка, один из множества элементов «Лихтбрингта».

— Ах да, мистер «Лихтбрингт»!.. Снова этот механический гений! — Герти вновь не удержался от язвительности. — Великий и могущественный! Превращающий безмозглые пугала в мыслителей, а трусов — в храбрецов!

«А еще ни в чем не повинных людей в служащих Канцелярии! — мысленно добавил он, вспоминая свое мгновенное преобразование из клерка

Уинтерблоссом в зловещего полковника Уизерса, тень которого то и дело преследовала его даже за стенами Канцелярии. — Впрочем, не могу отрицать, что волшебные башмачки пришли бы сейчас как нельзя кстати...»

— Я не могу судить о том, верно ли составлен запрос, — сообщил техник, деловито вставляя во внутренности терминала какую-то сложную пружину. — Я обычный инженер, а не управляющий или что-то в этом роде. Мое дело — проверить, работает ли терминал. Ваш полностью исправен.

— Мне кажется, для обслуживания этого Гаргантюа хватило бы взвода трубочистов! — раздраженно бросил Герти, откладывая бесполезную мемокарту.

— «Лихтбрингт» — очень умная машина, сэр, — заметил техник, впервые выказывая что-то похожее на эмоцию, а именно уязвленную гордость. — Это самая совершенная счислительная машина на острове, а может, и на всем свете. Уверен, вы даже не представляете ее истинной мощи и размеров.

— Она настолько велика?

— Размером с город, — просто ответил техник. — «Лихтбрингт» — это не какой-нибудь счетный аппарат, помещающийся в несгораемый шкаф. Это тысячи и тысячи сложнейших приборов и узлов, связанных в одну систему. Шестерни, цилиндры, передаточные ленты, поршни, валы... Все это пронизано гальваническими кабелями и паровыми трубопроводами. Только чтобы смонтировать основные его контуры, в свое время потребовался не один год. Одни только банки его логической памяти занимают шестнадцать акров!

У Герти вытянулось лицо. Его опыт общения с «Лихтбрингтом» был невелик и не сказать чтоб приятен, но он полагал, что имеет дело с чем-то вроде

огромного арифмометра, запертого в подвале Канцелярии. Но это... Подобное могло потрясти воображение.

— Где же хранится... кхм... все это?

— По большей части под землей, сэр. Требование безопасности. Все механические части «Лихтбрингта» должны быть надежно защищены от постороннего влияния. От влажности, насекомых, механических повреждений и всего прочего, что может нарушить их работу.

— Сложная, должно быть, штука.

— Необычайно сложная, — подтвердил техник самым серьезным тоном. — Насколько я знаю, нигде в мире не существует машин, подобных «Лихтбрингту». Уникальное устройство, детище профессора Неймана.

— Не знаю, чье он детище, но глубоко убежден, что союз, в котором он родился, был определенно порочен, — не слишком вежливо заметил Герти. — Сейчас меня интересует лишь то, почему я не могу получить дело, которое у него запрашиваю. Как видите, я составил запрос по всем правилам, но в ответ получил какую-то белиберду!

Техник равнодушно стер со щеки потек густого, как патока, масла.

— Я не уполномочен решать подобные вопросы. Могу лишь засвидетельствовать, что ваш терминал в полном порядке и функционирует исправно. В полном соответствии с заложенными в него алгоритмами он отправил ваш запрос дальше, к тому, кому полагалось его обработать.

— И кто же это?

— В зависимости от того, что вы запрашивали.

— Я запрашивал дело Уинтерблоссома. — Герти побарабанил пальцами по столу, демонстрируя полную безмятежность духа. — Может, слышали о таком? Бангорская Гиена.

Техник покачал головой.

— Не припомню. Но если это текущее расследование Канцелярии, вероятно, ваш запрос отправился в оперативный архив. Там собираются все незаконченные дела. Видимо, по какой-то причине в архиве не смогли правильно обработать ваш запрос.

— Просто замечательно! Не смогли обработать, значит! То есть, если полковнику Уизерсу немедленно нужны материалы дела Уинтерблоссома, он не может даже получить дело без того, чтоб не потерять драгоценное для расследования время? Нет, в самом деле, замечательно. Как зовут того, кто занимается архивом? Я немедленно напишу на него жалобу самому мистеру Шарперу!

Техник улыбнулся тонкими и бескровными, как у рептилии, губами.

— Едва ли это возымеет действие, сэр.

Герти выпятил подбородок, чувствуя нарастающее в груди праведное возмущение. Может, на фоне канцелярских крыс он иной раз и выглядел неуклюжей белой мышью, но это не значило, что он позволит обращаться с собой подобным образом!

— Имя! — потребовал он решительно, шаря рукой в столе в поисках чистого листа. — Кто руководит архивом?

— Малфас, сэр.

— Превосходно. Немедленно ему напишу! Мистеру Малфасу придется держать ответ за манкирование собственными обязанностями, раз уж возглавляемый им отдел некомпетентен! Сегодня же и напишу!

— Хорошо, сэр, — равнодушно отозвался техник. — Тогда вам понадобится вот это.

Техник протянул ему чистую мемокарту, которую Герти в замешательстве принял. Обычный

лист картона, ничем не отличающийся от тех, что он во множестве извел за последние три дня. Простой прямоугольник, лишенный каких бы то ни было обозначений или надписей. «Что-то вроде билета, — отстраненно подумал Герти. — Только без места назначения, даты и пассажира...»

— Это что же, какая-то шутка? — осведомился он, добавив в голос толику строгости, холодной, как стетоскоп, который врач прикладывает к груди больного.

Конечно же, это была шутка. Одна из тех шуток, которыми персонал любой канцелярии при случае угощает друг друга. Вроде ваксы в чернильнице или приклеенной к столу печати. Только вот техник сохранял на лице абсолютную серьезность. Едва ли он шутил хотя бы раз в жизни. Среди служащих Канцелярии шутки не были распространены.

— Это не шутка, сэр, — спокойно ответил техник, возвращаясь к прерванной работе. — Дело в том, что архивом Канцелярии заведует логический блок «Малфас». Английского языка он не понимает в силу своего устройства.

Покрутив в руках чистую мемокарту, Герти бросил ее к прочим, столь густо испещренным немелким прикосновением компостера, что они походили на борта кораблей, побывавших в эпицентре Трафальгарской битвы.

— «Малфас»? Так у вас тут две счислительные машины?

— Не совсем. Машина лишь одна, сам «Лихтбрингт». Но для распределения задач и лучшей производительности некоторые ее задачи выполняются четырьмя отдельными логическими блоками. «Малфас» лишь один из них.

— Значит, пять коней в одной упряжке?

— «Лихтбрингт» включает в себе основные вычислительные мощности и банки памяти. Он —